

Сергий Радонежский и ростовский княжеский род: известное, вероятное, возможное

Предложенная в заглавии тема интересна тем, что в ее рамках возможно не одно лишь изучение распространения культа определенного святого в рамках конкретной родовой группы титулованной знати, основывающееся на анализе известий о прижизненных и посмертных вкладах представителей различных ветвей и линий рода в монастыри, посвящениях храмов, заказах икон и памятников прикладного искусства и т. д. Своеобразие нашему случаю придает то, что связям идеальным, существующим в рамках религиозных практик и представлений, предшествовали вполне обыденные социальные взаимосвязи — отношения службы, связывавшие боярский род, к которому принадлежал Сергий, с ростовским княжеским родом. Несомненно, что отец Сергия, ростовский боярин Кирилл целовал крест в том, что он и его дети будут служить ростовскому князю и его детям, а князь в свою очередь принял на себя и своих потомков обязанность их блюсти и жаловать¹. То есть в реальности между двумя социальными группами существовала символическая связь, урегулированная нормами права. Сочетание двух аспектов — реальной связи двух родовых групп знати, титулованной и нетитулованной, и последующих контактов ростовских князей с монастырем Троицы и их отношения к культу святого Сергия — и дела-

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. М., 2007. Т. 1. С. 414–421; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 471–474; см. также: Стефанович П. С. Князь и знать: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: социально-политическая структура. Очерки. М., 2008.

ет эту тему, несмотря на неизбежную практически для всего русского Средневековья оговорку о скудости источниковой базы, привлекательной для рассмотрения.

Сопоставив данные Жития Сергия и летописей, можно предположить с известной долей убедительности, что отец Сергия Кирилл, один из ростовских бояр, уже приблизившийся к началу 1330-х гг. к старости, до того служил ростовскому князю Василию Константиновичу. Тот впервые упомянут под 1316 г. (уже с титулом «Ростовский»), его племянник и возможный соперник в борьбе за Ростов, юный Юрий Александрович Ростовский, умер в 1320 г., и другие ростовские князья в указанный период неизвестны. Кроме того, именно дети Василия Константиновича Федор и Константин унаследовали после отца княжество и между 1328 и 1331 г. разделили между собой город Ростов. Вскоре после этого, как известно, Кирилл со своим родом и еще несколько названных поименно в Житии ростовских служилых людей перебираются из Ростовского княжества в московскую волость Радонеж. Существует также некоторая вероятность того, что служба Кирилла могла начаться еще при отце князя Василия Константине Борисовиче, но у нас нет возможности выяснить это.

Поздние предания говорят о ростовской Варницкой слободе как о месте рождения или детства преп. Сергия. Это, однако, противоречит Житию, сообщающему, что Кирилл с семьей жил в некоей «веси» не слишком близко от Ростова. Определенным подтверждением Житию в этом вопросе служит и то, что роду переселившихся из Ростова вместе с Кириллом Ивана и Федора Тормосовых ранее принадлежало, судя по всему, село Тормосово, находившееся примерно в 30 км от Ростова, т. е. тоже достаточно далеко от города. Звучавшее ранее предположение, что Варницы (именуемые в актах XV в. Солью Ростовской) были вотчиной боярина Кирилла, представляется невероятным: очевидная экономическая ценность Ростовской Соли для княжеского рода не допускала передачи ее в вотчину никакому, даже самому заслуженному боярину. Более того, тот факт, что Ростовская Соль не упомянута в духовной великого князя Василия Васильевича 1462 г. (в ней речь идет только о самом Ростове и о селах там великого князя, в отличие от, к примеру, Галича, передаваемого «с Солью»), появляясь лишь в завещании его сына Ивана 1503 г. («город Ростов с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами и з Солью»), заставляет предположить, что вплоть до 1474 г., т. е. до полного прекращения вла-

сти в Ростове местного княжеского дома, Ростовская Соль оставалась в его собственности². Единственно возможный вариант, допускающий какую-то, хотя бы временную, связь боярина Кирилла с Варницами в 1320-х гг. — это его присутствие там в качестве представителя княжеской власти, как, к примеру, Михаил Андреевич Плещеев, бывший в конце XV в. волостелем у Соли Переяславской³.

Служба Кирилла ростовским князьям, обеспечившая ему упомянутые Епифанием Премудрым «великое житие» и «много богатство», а также место среди «славных и нарочитых» ростовских бояр пришлось, однако, на беспокойное время борьбы московских и тверских князей за великое княжение. В результате из-за упомянутых в Житии частых поездок с князем в Орду, приемов татарских послов, нападений на Ростов татарских ратей, хлебных гладов и тяжких даней боярин Кирилл «на старость» обеднел. Важнейшей причиной, приведшей его к полному «обнищанию», Епифаний называет следующее событие: когда после «великой рати» называемой «Федорчюковой Туралыковой», великое княжение перешло от Твери к Москве, в Ростов Иваном Калитой были присланы Мина и Василий Кочева, которые без оглядки на местных князей производили в отношении тамошней знати насильственные действия, направленные на изъятие у нее имущества. Поскольку нам неизвестно об участии Ростова в это время в каких-то военных акциях против Москвы, то речь, скорее всего, шла о получении великим князем с ростовцев долгов по ордынскому выходу или «доправлении» на них «царева запроса», а не о возврате захваченной ранее ими добычи или наложении контрибуции. В любом случае людьми Ивана Даниловича это делалось жестко и безо всякого участия местных князей, хотя те по тогдашним нормам должны были бы «блюсти» своих бояр. Даже если случившееся и стало результатом политики союза с Тверью⁴, возможно, выработанной князьями Ростова «в думе» со своим боярством, итогом был массовый отъезд разоренных ростовских бояр на московские земли.

Переехав в заселявшийся тогда Радонеж «съ всъм домом своим и съ всъм родом своим» Кирилл и другие близкие к нему ростовцы получили

² ДДГ. № 61, 89.

³ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 548.

⁴ См.: *Городилин С. В.* Ростовское боярство в первой трети XIV в. // ИКРЗ. 2000. Ростов, 2001. С. 89–91. Как вероятное это предположение оценил и А. А. Горский: *Горский А. А.* От земель к великим княжениям: примыслы русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 75.

«лготу многу» и обещания «великой ослабы» — т. е. возможность не платить некоторое время дань и пошлины, для уплаты которых у них все равно не было средств. Их новый социальный статус «на земле чюжде» можно определить как «слуги» («слуги вольные», как они традиционно именуется в историографии)⁵. Реконструировавший границы земельных владений, полученных там некоторыми из названных в Житии ростовских переселенцев С. З. Чернов отмечает, что, судя по размерам их земель, они оказались слугами весьма невысокого уровня⁶. Очевидно, ростовцы надеялись на московской службе со временем как-то восстановить или хотя бы несколько улучшить свое материальное и социальное положение. В рамках службы ростовским князьям они, судя по всему, этого больше не предполагали, о чем свидетельствовал и их переезд, и то, что никто из перечисленных в Житии переселенцев уже не вернулся больше на службу в Ростов. Трудно сказать, связано ли это с отсутствием такого желания у князей Ростова или у радонежских поселенцев, либо отторжение было взаимным, но в любом случае корни этого лежали именно в недавних ростовских событиях.

Надеждам на улучшение статуса, однако, оказалось также не суждено сбыться: после смерти Ивана Даниловича Радонеж в 1340 г. по его завещанию получила великая княгиня Ульяна. В результате этого оказались утрачены любые шансы на служебную карьеру и выгодные назначения: землевладельцам из вдовьего удела ожидать этого было бесполезно. Это подтверждает судьба Тормосовых и Дюденовых, так навсегда и оставшихся мелкими вотчинниками в Радонежской волости. Хотя напрямую судить о причинах, конечно, непросто, но сложно не связать с переходом Радонежа к Ульяне и с исчезновением служебных перспектив в уделе то, что многие из ростовцев именно после 1340 г. принимают решение о монашеском постриге.

Следует заметить, что никаких прямых свидетельств о контактах Кирилла и его родни или окружения после отъезда из Ростова с ростовскими князьями, а также о почитании теми Сергия в период его монашества не имеется. Можно, конечно, предположить, что они находились среди не названных агиографом по имени посещавших Сергия «князей

⁵ Назаров В. Д. О статусе «слуг» в Средневековой Руси // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1992. С. 49–53.

⁶ См. в наст. сборнике: Чернов С. З. Рассказы Жития об отрочестве и юности Сергия Радонежского в контекстах устной традиции.

и вельмож», и что именно из Ростова к Маковцу могла идти княжеская «милостыня» — серебро, хлеб или рыба с озера, а сами князья приходили за советами в духовной жизни, и сведений об этом просто не дошло. Другим объяснением могло бы быть то, что Сергей не попадал тогда в сферу внимания ростовских князей, поскольку еще не был достаточно известен. Ведь его широкая, чуть ли не общерусская популярность и значимость почти что с момента основания обители — это достаточно поздно возникшая мифологема, а всеобщая слава за пределами удела Владимира Андреевича и уж тем более Москвы пришла к монастырю и к имени его основателя уже гораздо позже, не раньше середины XV в., когда почитание Сергия достигает Твери и Новгорода.

Попробуем, насколько возможно, проверить эти два предположения. Ростовские князья должны были узнать о возникшем монастыре достаточно быстро. Даже если не принимать во внимание неизбежной мысли, что у уехавших ростовцев на родине должны сохраниться какие-то связи, княживший в Ростове в 1331–1363 гг. Константин Васильевич был тесно включен в политическую жизнь великого княжения, участвуя в крупных московских политических акциях (поход на Смоленск, ряд событий новгородской политики, брак его дочери с литовским князем Любартом Гедиминовичем с разрешения великого князя — дяди ростовской княжны). И Константин, и сменивший его на ростовском столе Андрей Федорович (1363–1409) должны были, помимо всего прочего, часто пользоваться существовавшей в это время дорогой из Ростова и Переяславля в Москву через Радонеж, которая к 1370-м гг. стала уже «одной из главных коммуникаций Московского княжества»⁷. Однако, как было сказано, ни в дошедшей через посредство Жития монастырской традиции, ни в прочих источниках ничего не сказано о каких-то контактах князей Ростова с устраивавшими рядом с их путями свою жизнь, а позднее и монастырское общежитие их недавними вассалами и подданными.

И Сергей Радонежский, и князь Константин Васильевич упомянуты в поздней «Повести о Борисоглебском монастыре» в связи с датированным 1363 г. основанием этого монастыря на р. Устье неподалеку от Ростова. Предполагаемые К. А. Аверьяновым «переговоры» преподобного Сергия,

⁷ Чернов С. З. Переяславская дорога XIV–XV в. в районе Радонежа: историко-археологическое исследование // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014 (в печати).

будто бы улаживавшего тогда конфликт между Москвой и Ростовом, никак не отражены в источниках, более того, уровень известности и политического авторитета Сергия в то время не предполагают возможности исполнения им этой гипотетической миссии⁸. По тем же причинам может быть легендой и прямо упомянутый в Повести выбор Сергием места для монастыря по просьбе его основателей Федора и Павла: к XVI в., когда написана Повесть, традиция любым образом связывать возникновение обителей с именем Сергия уже достаточно распространена⁹. Однако сам по себе упомянутый в ней его приход в Ростов для поклонения в городском соборе Богородице и ростовским чудотворцам не выглядит невероятным: следует помнить, что в расположенном в паре дней пути от Маковца Ростове скорее всего были похоронены деда и прадеды преподобного. Кроме того, обращает на себя внимание неожиданно точная временная привязка основания монастыря к великому княжению Дмитрия Ивановича и к ростовскому княжению Константина Васильевича, как раз и завершившемуся в результате конфликта с поддержанным Дмитрием племянником Андреем Федоровичем в 1363 г., причем князь Константин — родоначальник Борисоглебской ветви ростовских князей, судя по вкладам, сохранявшей связь с Борисоглебским монастырем до середины XVI в. В любом случае следует заметить, что в тексте Повести ростовский князь и троицкий игумен прямо не связаны: у князя и епископа Федор и Павел просят и получают разрешение на устройство обители, а у преподобного Сергия — указание для нее места и благословение, и это два отдельных эпизода, не предполагающие общения Сергия с князем Константином.

Говоря о событиях 1363 г. и двух последующих десятилетий, нужно также отметить тесную связь между новым ростовским князем Андреем Федоровичем и такими значимыми для биографии Сергия Радонежского фигурами, как митрополит Алексей и великий князь Дмитрий Иванович. Князь Андрей выступил в 1363 г. против своего дяди Константина, узурпировавшего всю власть в княжестве, получив в помощь московское войско под предводительством Ивана Ржевского. Очевидно, этому предшествовали какие-то переговоры, решение по итогам которых

⁸ См.: *Аверьянов К. А.* Из ранней истории Борисоглебского монастыря // ИКРЗ. 2005. Ростов, 2006. С. 180–189.

⁹ *Кучкин В. А.* Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1. С. 117–118.

принимал не только сам двенадцатилетний великий князь Дмитрий, но и игравший в то время важную роль в московской власти Алексей. Во время следующего обострения борьбы за великое княжение, в 1371 г. Дмитрий Иванович и Андрей Федорович Ростовский вместе отправляются в Орду, и митрополит Алексей провожает их до Оки и молится за успех этой поездки. Ростовские князья во главе с Андреем участвуют в походе великого князя Дмитрия Ивановича на Тверь в 1375 г. и, вероятно, в Куликовской битве. Учитывая то значение для московского княжеского дома, которое игумен Сергей в 1380-е гг. уже несомненно обрел¹⁰, предполагать, что все это время о нем по-прежнему не известно представителям рода князей ростовских уже просто невозможно. Сделавший блестящую церковную карьеру племянник преподобного Феодор к 1390 г. утвердился на ростовской кафедре, куда был поставлен еще митрополитом Пименом в поездке в Византию, и в этом статусе до своей смерти в 1394 г. неизбежно пересекался с ростовскими князьями: имеется даже прямое указание о его встрече с Александром Константиновичем Ростовским, дошедшее в тексте одного из чудес Жития Леонтия Ростовского (Чудо о князе Иоанне)¹¹. Однако вплоть до кончины Сергия в 1392 г. о каких-то контактах игумена Троицкого монастыря с князьями Ростова так ничего и не известно.

Следует заметить, что о них не только молчит летописание и связанная с Сергием традиция, но не подтверждают их — даже и косвенно — более поздние актовые источники. Хотя если бы семейное почитание Сергия представителями ростовского княжеского дома во времена князей Константина и Андрея существовало, то оно должно было бы найти свое продолжение у их детей и внуков. От первых трех десятилетий XV в. до нас дошло и достаточное количество актов из архива Троицкого монастыря, и даже тексты отдельных грамот ростовских князей. Однако их нет среди вкладчиков Троицы¹². Хотя в это время обитель Сергия в первую очередь остается родовым «молением» московского княжеского рода — Владимира Андреевича, Дмитрия Ивановича и их потомков, не стоит преувеличивать узость такого круга: статус этих кня-

¹⁰ Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории, 1992. № 10. С. 82–87.

¹¹ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. М., 1893. С. 19.

¹² Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI веках. М., 1996; Miller, David B. Donors to the Trinity-Sergius Monastery as a Community of Venerators: Origins, 1360s–1462 // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. UCLA Slavic Studies. New Series, Vol. III. Moscow, 1997. P. 450–474.

зей чрезвычайно значим для всей Руси, а не только для Москвы и ее уделов. Как отметил А. Г. Мельник, «распространение почитания св. Сергия среди высших слоев русского общества и церковных кругов началось не в XVI в., а, вероятно, много раньше, еще в конце XIV и в XV в.»¹³. Во всяком случае, о выходе его почитания за пределы прежних узких рамок обители в уделе убедительно свидетельствует подробно разобранный В. Д. Назаровым и датированное им 1424 г. пожалование монастырю озера Смехро князем Федором Андреевичем, владевшим Стародубом и возглавлявшим род князей Стародубских, но активно действовавшего и на московской службе¹⁴. Ростовские князья в это время фигурируют в том же самом кругу: из руки великого князя Василия Дмитриевича они многократно посылаются на наместничество во Псков, вместе с князем Петром Дмитриевичем участвуют в нижегородском походе 1411 г., вместе с князем Юрием Дмитриевичем — в 1414 г. И Василий, и Петр, и Юрий Дмитриевичи делали вклады в Сергиеву обитель, однако ростовские князья не следуют их примеру или примеру стародубских князей. Известно лишь об их вкладах в «свои» монастыри, расположенные в их землях: ростовские Авраамиев Богоявленский и Никольский на Всполье, Дионисиев Глушицкий в ростовской Бохтыге. Не сохранилось сведений по поводу вкладов в Борисоглебский монастырь на Устье до XVI в., но, вероятнее всего, традиция родового почитания, заметная в первой половине XVI в., существовала и столетием раньше. Кроме того, от чуть более позднего периода второй половины — конца XV в. дошли данные о вкладах ростовских князей в другие монастыри, расположенные рядом с их вотчинами — Троице-Сянжемский, возникший рядом с осколком ростовского княжества — сохранявшейся почти до начала XVI в. за Голениными-Ростовскими волостью Мола на Сухоне, и в Иосифов в Волоцком уделе, куда перебралась на службу часть тех же Голениных. Можно также заметить, что во второй половине XIV–XV вв., на которые приходится известный рост устроения монастырей, связываемый с учениками Сергия, монастыри, возникающие в ростовских

¹³ Мельник А. Г. К истории почитания св. Сергия Радонежского в XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы VII международной конференции. Сергиев Посад, 2012. С. 28.

¹⁴ Назаров В. Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы международной конференции 29 сентября — 1 октября 1998 г. М., 2000.

землях — Борисоглебский, Святолуцкий, Глушицкий, Пельшемский — не имеют прямого отношения к Троицкой обители. Во всяком случае, ее постриженников для основания монастырей ростовские князья, судя по всему, к себе не приглашали.

Первое пожалование Троице в Ростове сделано лишь великим князем Василием Васильевичем, в период между 1432 и 1444 гг. предоставившим монастырю право рыбной ловли в Ростовском озере и реках, а также покупки городского двора¹⁵. В другой его грамоте, посвященной этому же вопросу, даже прямо упомянуты ростовские князья как носители части судебной власти в городе¹⁶. Позднее пожалование на ростовский двор подтверждалось великой княгиней Марией Ярославной и великим князем Иваном Васильевичем, но ростовский княжеский род никак не последовал этому примеру московских князей¹⁷.

Единственный вклад XV в. в Троице-Сергиев монастырь, связанный с ростовскими князьями, весьма необычен. Речь идет о комплексе земель в Бежецком Верхе на берегу Мологи, с езами, озером и птичьими ловлями, лежащем напротив регионального центра — Городца. Это ценное владение было приобретено у вдовы местного вотчинника князем Дмитрием Александровичем Щепой, внуком последнего владетельного ростовского князя из Сретенской ветви, Федора Андреевича. В 1434 г. вместе с отцом, князем Александром, Дмитрий после обострения династического конфликта внутри московского княжеского рода вернулся в Ростов из Пскова, где Александр длительное время был великокняжеским наместником. Вскоре Александр Федорович скончался, и Дмитрий с матерью пожертвовали ростовскому Богоявленскому монастырю в поминание Новосельскую землю вблизи Ростова¹⁸. Затем Дмитрий Александрович каким-то образом появляется в Бежецком Верхе, в то время находящемся под контролем Москвы, но вскоре передает недавно купленное там владение Троицкому монастырю. Причем до нас дошли две почти одинаковые грамоты, по одной из которых

¹⁵ АСЭИ. Т. I. № 98.

¹⁶ Там же, № 105.

¹⁷ Там же, № 349. См. также: *Городилин С. В.* Три жалованные грамоты на ростовский двор Троице-Сергиева монастыря: к вопросу о судоустройстве в Ростове в XV в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014 (в печати).

¹⁸ *Стрельников С. В.* Грамоты из архивов ростовских монастырей // *Русский дипломатический альманах*. М., 2001. Вып. 7. С. 6.

князь продает вотчину обители, а согласно другой на те же самые земли и с тем же контрагентом и послухами — уже вносит как вклад¹⁹. Предположение С. М. Каштанова о том, что монастырь перекупил земли, выплатив деньги князю Дмитрию, а тот в ответ оформил на вотчину монастырю данную, не представляется единственно возможным и даже наиболее вероятным: в актах на покупку земель князем и на их продажу и вклад — разный состав послухов, что было бы странно для цепочки взаимосвязанных и одновременных сделок²⁰. Кроме того, если бы не было собственно вклада, то князь Дмитрий вряд ли попал бы в монастырские вкладные книги, куда вкладчики вписывались для поминовения. Скорее можно поставить и неожиданное появление князя Дмитрия Щепы среди бежецких вотчинников, и его скорое исчезновение из их числа (ни он, ни его потомки в Бежецке больше не встречаются, а после присоединения Новгорода оказываются среди испомещенных там служилых людей) в связь с событиями 1430–1440-х гг., когда Бежецкий Верх часто менял принадлежность: им владели Юрий Дмитриевич, Василий Васильевич, Дмитрий Юрьевич Красный, Дмитрий Юрьевич Шемяка, Иван Андреевич Можайский, затем снова Василий Васильевич. Видимо, с каким-то резким изменением политической ситуации и можно связать сделку, по которой Дмитрий Щепка лишился своей новой вотчины. В это время Троицкому монастырю уже принадлежало бежецкое село Присеки, и расположенные рядом княжие земли представляли для братии несомненный экономический интерес. Судя по тому, что князь Дмитрий потом оказался в числе вкладчиков, с вотчиной он все же в итоге расстался безвозмездно, хотя сначала хотел получить за нее от обители определенные деньги. Это может говорить скорее о вынужденном характере сделки и о том, что инициатива, вероятнее, исходила от троицких старцев. О чем-то подобном свидетельствует и то, что потомки вкладчика — князья Щепины-Ростовские — в дальнейшем ничем не были связаны с Троице-Сергиевым монастырем, не делали в него новых вкладов, нет и свидетельств об их погребениях в нем. Даже сведения о происхождении князя Дмитрия оказались к XVI в. забыты троицкими монахами²¹. Этого явно не произошло бы, если бы вклад

¹⁹ АСЭИ. Т. 1. № 147, 148; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 5, 16.

²⁰ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 348.

²¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 162. Вклад «князя Дмитрия Александровича» без указания фамилии и родовой принадлежности был записан не в раздел «Род Ростовских князей разными прозвищами», а в раздел «Вклады беспрозвищных».

родоначальника Щепиных Дмитрия Щепы был одним из элементов почитания этим родом обители.

Имеется еще один сюжет того же периода, связывающий Ростов и Троице-Сергиев монастырь. В завещании боярина Андрея Михайловича Плещеева упомянут прикуп, сделанный им к приобретенному у князя Дмитрия Приимкова-Ростовского родовому сельцу Приимкову с деревнями — небольшая вотчинка, деревня Федорцов[о] с двумя наволоками²². Ее продавцами названы «поп Иона Сергеева монастыря» и его братья — «Оверкей да Васюк Якимовы дети Павлова». Сама вотчина локализуется в районе нынешней деревни Большая Воехта в долине Которосли, на восточной границе приимковского комплекса, входившего в состав массива родовых владений ростовских князей и принадлежавшего представителям их Сретенской ветви²³. Иеромонах Иона (Ивона), со временем ставший одним из видных старцев Троицкого монастыря, упоминается в его актах второй половины 1430-х — конца 1440-х гг., связанных с соляным промыслом в Соли Галицкой, а также с землями в Угличе и на Шексне. В грамоте 1446–1447 г. он назван духовным отцом первой жены Михаила Борисовича Плещеева Соломониды. Его связь с Ростовом косвенно может быть подтверждена и тем, что в данной Евдокии Зворыкиной игумену Досифею на земли на реке Локсимер в Ростове он выступает в качестве послуха. Поскольку дети Якима Павлова вместе продают свою общую вотчину, она явно принадлежала еще их отцу. Помимо констатации факта, что несмотря на то, что в период второй трети XV в., когда политические и династические катаклизмы в Северо-Восточной Руси вызвали резкий рост потока земельных вкладов в Троицу, а также расширение круга ее вкладчиков и постриженников, членов ростовского княжеского рода к установлению каких-то способных оставить следы в источниках контактов с обителью никак не подвигла даже родственная связь с Троицким монастырем их непосредственных соседей-землевладельцев, здесь возможно указать и еще одно обстоятельство. Личность владевшего Федорцовым ростовского вотчинника Якима Павлова до настоящего времени не была предметом специального рассмотрения. Хотя это является темой отдельного исследования, здесь можно отметить, что

²² АСЭИ. Т. 1. № 562.

²³ *Городилин С. В.* К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // ИКРЗ. 2012. Ростов, 2013. С. 58–63.

имеются определенные аргументы в пользу соотнесения его с известным по летописям и актам псковским посадником Якимом Павловичем (Якимом Княжевичем), действовавшим во Пскове в период между 1410–1434 годами и являвшегося «княжим зятем» (скорее всего — зятем того же ростовского князя Александра Федоровича, вместе с которым и с сыном которого Дмитрием Щепой он неоднократно упоминается²⁴). После того, как князь Александр покидает Псков, ни Яким Павлович, ни какие-то его потомки среди псковских бояр больше не фигурируют. Возможность вызванного политическими обстоятельствами перемещения отдельных представителей псковской знати в Северо-Восточную Русь в ином, но отчасти сходном случае предполагается и К. В. Барановым²⁵. В случае, если наша гипотеза верна, старец Иона по материнской линии оказывается внуком князя Александра Федоровича и первым троицким монахом, связанным с ростовским княжеским родом. Вместе с тем очевидна вся гипотетичность этого построения, и (даже если оно вдруг достоверно) достаточно косвенный характер такого отношения, учитывая раннюю утрату старшей линией Сретенской ветви ростовских князей — потомками Александра Федоровича и Дмитрия Щепы — каких-либо связей с Ростовом.

Даже после продажи в 1474 г. остававшихся у них прав на половину Ростова великому князю Ивану Васильевичу ростовские князья, большинство из которых сохранило владения в княжестве и все чаще фиксируется источниками на московской службе, постепенно завоевывая определенные позиции и при великокняжеском дворе, по-прежнему хранят дистанцию в отношении к Троице-Сергиеву монастырю. Первые сообщения об их вкладах, пострижениях и погребениях в нем, относимые к представителям разных линий обеих ветвей, появляются лишь с конца первой — начала второй трети XVI в.²⁶

²⁴ См.: Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966; *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // АЕ за 1967 г. М., 1969. № 9; *Колосова И. О.* Псковские посадники XIV–XV вв. Автореф. дисс. к. и. н. М., 1984.

²⁵ *Баранов К. В.* Иоанн Агафонович, созиратай Ярославской земли. Эпизод из истории присоединения Ярославля // ИКРЗ. 2002. Ростов, 2003. С. 343–351.

²⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 55–57; *Пуцко В. Г.* Икона Богоматери Одигитрии из ростовского княжеского дома // ИКРЗ. 2000. Ростов, 2001; *Вишневский В. И.* Погребения князей Ростовских в Троице-Сергиевом монастыре (по материалам археологических работ 2002–2005 г.). ИКРЗ. 2005. Ростов, 2006; См. также в наст. сборнике: *Сергеев А. В.* Сведения о князьях Ростовских за вторую треть XVI —

В это время об особом почитании Сергия в России пишет даже Сигизмунд Герберштейн — «Главный монастырь в Московии — в честь св. Троицы; ...похороненный там св. Сергей, как говорят, совершает много чудес, и его набожно прославляет изумительное стечение племен и народов»²⁷. Князья Ростовские в этот период уже высокопоставленные служилые люди, бояре, наместники и военачальники Московского государства, одним из центральных персонажей создающейся тогда же русскими книжниками истории возвышения которого оказывается Сергей Радонежский. Вместе с московским боярством влившиеся в его состав потомки владетельных князей Ростова уже вне всякого сомнения начинают почитать преподобного Сергия. Впрочем, вокруг уже совершенно иная эпоха, иное самосознание, и это почитание находится совершенно вне воспоминания в рамках родовой памяти о реальной связи с Сергием и его родом и о драматических событиях конца первой трети XIV в. До того же, как было показано, сохранившиеся, возможно, в виде некоторого пунктира источники позволяют очень осторожно предполагать какую-то едва ощутимую прохладу, взаимную или одностороннюю. Впрочем, помимо грешащего прямолинейным психологизмом XIX столетия предположения о трудности для князей сразу признать особый дар святости в потомке своего подданного, конечно же, возможно и вполне правдоподобное объяснение этому банальными лакунами источниковой базы.

Однако есть (хотя и достаточно косвенное) подтверждение возможной достоверности нашего наблюдения. Судя по всему, болезненное и эмоциональное воспоминание о ростовской «нуже и злобе», зафиксированное Епифанием и включенное в Житие, действительно напрямую восходит к монастырской традиции, связанной с Сергием и прочими выезжими ростовцами. Для самого Епифания, в молодости монашествовавшего в ростовском Григорьевском монастыре, какой-то особый скепсис в отношении ростовских князей не был характерен: напротив, в созданном им в конце XIV в. Житии Стефана Пермского он отзывается о них весьма уважительно, поставив в один ряд с современными ему «царями» Византии и Орды, а также велики-

начало XVII века в письменных и эпиграфических памятниках Троице-Сергиева монастыря.

²⁷ Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 106.

ми князьями Москвы, Литвы, Твери и Рязани²⁸. Знаменитый фрагмент Жития Сергия о полной утрате ростовскими князьями всех основных княжеских свойств уже в годы ростовского детства преподобного — «Увы, *увы*, тогда граду Ростову, паче же и князем ихъ, яко отъяся от них власть, и княжение, и имѣние, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москвѣ» — написан им позднее и явно связан именно с общением Епифания с троицкой братией и прочими людьми, знавшими Сергия и его первых собратьев. Это не противоречит очевидной тогда для современников Епифания ситуации упадка ростовского княжеского дома, потерпевшего к началу 1420-х гг. целый ряд неудач (можно вспомнить провальное для ростовских князей участие в конфликтах Москвы с Великим Новгородом, с которым, вероятно, были связаны утраты значительной части их обширных северных владений, большой пожар в Ростове в 1408 г. и последующее разорение города Едигеем, участие в неудачной и кровопролитной битве с нижегородскими князьями под Лысковым 1414 г., мор 1420-х гг., опустошивший их владения). Но эти события были отделены от далекой эпохи юности Сергия весьма длительным периодом стабильности Ростова и достаточно высокого политического статуса его княжеского рода в 1340–1350-х и середине 1360-х — начале 1390-х гг., что, как показано выше, помнил и сам Епифаний. Поэтому наиболее вероятным представляется то, что в посвященном ростовским князьям фрагменте Жития отразилось воспринятое Епифанием через посредство троицкой устной традиции отношение к ним Кирилла, Сергия и его семейного и монастырского окружения, предопределенное еще событиями, случившимися в Ростове вскоре после 1328 г. Князья, оказавшиеся неспособными в кризисной ситуации выполнить свой долг в отношении своих верных бояр и защитить их от московских репрессий, унижений, разорения и полной утраты социального статуса, должны были восприниматься почти как клятвопреступники, во всяком случае — как люди, утратившие доверие и ставшие недостойными своей высокой социальной роли. Как мы помним, именно ласка к боярам и любовь к служащим ему, доходившие до того, что никто из служивших ему потом не мог служить никакому другому князю, — качества, упомянутые в летописном некрологе князю Василько Ростовскому в числе немногих важ-

²⁸ Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1907. С. 74.

нейших для идеального князя²⁹. Потомки Василько Константиновича в случившейся ситуации явно выглядели недостойными своего предка, утратившими не только власть и имение, но также и честь и славу. Это должно было сказаться на отношении к ним отъехавших в Радонеж ростовских бояр и их окружения, что, в свою очередь, не могло не повлиять и на восприятие ростовских князей самим Сергием и его братией, и, возможно, осознавалось в то время и самими членами ростовского княжеского рода.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.